

СОНА СКОФИЛД

РАЗВОД В 44 ЕГО ЛЮБОВНИЦА ИСЧЕЗЛА

Сона Скофилд

Развод в 44. Его любовница исчезла

<https://litres.ru/74211743>

SelfPub; 2026

Аннотация

В день, когда мой развод стал официальным, мне позвонила Алиса — любовница бывшего мужа. Она успела попросить лишь об одном: не подтверждать алиби Руслана. К полуночи Алиса не вернулась домой.

Теперь бывший требует, чтобы я солгала. Полиция изучает документы, способные разрушить его компанию. Кто-то подделывает доказательства против меня. А Лев Снегирев, брат пропавшей, не доверяет мне, хотя без моих показаний не может восстановить последние часы сестры. Правда, я тоже не обязана доверять ему.

Мне сорок четыре. Я уже потеряла брак и больше не собираюсь терять себя. Но чтобы найти Алису живой, мне придется довериться мужчине, который привык все решать сам, и понять, можно ли начать новую любовь там, где все началось с измены и ложного алиби.

Содержание

ГЛАВА 1. 18:12	4
ГЛАВА 2. Последний номер	14
ГЛАВА 3. Конверт для полиции	25
ГЛАВА 4. Чужое алиби	35
ГЛАВА 5. Не моя соперница	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сона Скофилд

Развод в 44. Его любовница исчезла

ГЛАВА 1. 18:12

В день, когда решение о моем разводе вступило в силу, любовница бывшего мужа позвонила мне в 18:12. Домой она в тот вечер не вернулась.

Утром я об этом, разумеется, не знала.

В девять часов секретарь суда отдала мне копию решения с синей отметкой. Я проверила дату, номер дела и написание фамилии. За восемнадцать лет работы в ЕДДС я видела достаточно последствий одной неверной цифры, поэтому документы читала с конца: подпись, печать, дата, а уже потом содержание.

— Все верно? — спросила секретарь.

— Теперь да.

Она посмотрела на меня внимательнее, вероятно ожидая слез, облегчения или хотя бы вопроса о том, что делать дальше. Я поблагодарила ее, убрала копию в папку и вышла в коридор.

Наш брак с Русланом прекратился не в тот момент, когда

я узнала об Алисе. И не в тот вечер, когда он собрал два чемодана и сказал, что нам обоим полезно пожить отдельно. Юридически он закончился сегодня. Все остальное произошло раньше и не нуждалось в новой дате.

Руслан в суд не приехал. Месяц назад он присутствовал при оглашении, потом отказался от обжалования. Имущество мы разделили заранее: загородный дом продали, накопления поделили, моя квартира осталась моей. Последним общим делом был счет за электричество в доме, и его должны были закрыть в четверг у адвоката.

На улице шел мелкий дождь. Я раскрыла зонт, дошла до машины и положила папку на заднее сиденье. Телефон показал сообщение от Руслана.

«Получила?»

Я ответила: «Да».

Через минуту появилось второе.

«Надеюсь, теперь обойдемся без войны».

Войны у нас не было. Были его десять месяцев с другой женщиной, мои несовпадающие вопросы и его привычка называть прямой ответ скандалом. Я не стала объяснять разницу. Заблокировать номер было нельзя до четверга, а вступить в последний спор — незачем.

Домой я вернулась после одиннадцати. Папку убрала в нижний ящик письменного стола к соглашению о разделе имущества. Потом позвонила в страховую, отправила копию решения в банк и отозвала доверенность, по которой Руслан

мог получать мои заказные письма. Все это занимало больше времени, чем человеческое решение уйти, и требовало гораздо больше точных формулировок.

К четырем часам список закончился. Я открыла окно на кухне, услышала, как во дворе спорят из-за парковочного места, и поняла, что весь день ждала особенного ощущения. Свобода не наступила торжественно. В квартире просто больше не было ни одного дела, которое я обязана согласовывать с бывшим мужем.

Я разогрела ужин и позвонила Валентине Ильиничне, чтобы подтвердить смену на среду. Мы обсудили замену Златы на первые два часа, новый порядок передачи карточек и неисправную гарнитуру на втором пульте. О моем разводе руководитель спросила только после рабочих вопросов.

— Завершилось?

— Сегодня вступило в силу.

— Тогда завтра отдыхай. В среду жду без подвигов.

— У меня их по графику нет.

— У тебя они обычно проходят как переработка.

Я улыбнулась уже после того, как мы попрощались. Валентина Ильинична редко шутила, но попадала точно.

В 18:12 на экране высветился незнакомый городской номер. Я почти не ответила. В последние недели мне звонили оценщики, юристы и покупатели старой мебели из дома, а все обязательные разговоры уже были назначены.

На четвертом гудке я приняла вызов.

— Евгения Павловна?

Женский голос я раньше слышала только однажды, когда Алиса случайно ответила на телефон Руслана и сразу отключилась. Этого хватило, чтобы узнать ее сейчас.

— Слушаю.

— Это Алиса Снегирева. Мне нужно сказать вам одну вещь. Пожалуйста, не кладите трубку.

Я села за кухонный стол. На нем лежали часы, которые я сняла, когда мыла посуду. Секундная стрелка прошла отметку двенадцать.

— У вас есть минута.

— Если Руслан попросит подтвердить, что сегодня после шести был у вас, не подтверждайте. Он не был.

Несколько секунд я ждала продолжения. За ее голосом слышался ровный шум вентиляции и редкие шаги. Не улица, не машина.

— Вы выбрали странный день для заботы о моей правдивости.

— Я понимаю, как это звучит.

— Сомневаюсь.

Она помолчала. Я могла закончить разговор. Вместо этого посмотрела на время: 18:13.

— Зачем ему алиби?

— Он видел меня в офисе. Мы говорили о документах, которые он подписал. Если он скажет, что приехал к вам раньше восьми, это будет ложь.

— Каких документах?

— Два акта. Там работы, которых не было, и...

Шаги стали отчетливее. Мужчина произнес где-то рядом:

— Алиса, вы еще здесь?

Она ответила не ему, а мне:

— Только не соглашайтесь. И сохраните его сообщение, если он напишет.

Связь оборвалась.

Я еще несколько секунд держала телефон у уха. Потом открыла журнал вызовов. Продолжительность — одна минута сорок одна секунда. Входящий в 18:12.

Первым желанием было не перезвонить. Алиса знала, что Руслан женат. Не с самого начала, как он потом уверял, но достаточно давно, чтобы уйти. Она осталась. Теперь она вмешалась в день, который не принадлежал ни ей, ни ему.

Я встала, дошла до раковины и вернулась к столу. В ее просьбе не было попытки вернуть Руслана или объяснить мне их отношения. Она назвала время, документы и будущую ложь.

В 18:17 я набрала номер. После нескольких гудков включился автоответчик.

— Алиса, это Евгения. Я перезвонила. Скажите, где вы и нужна ли вам помощь.

Слова прозвучали слишком официально, но менять их было поздно.

В 18:21 я позвонила снова. Телефон оказался выключен

или вне сети.

Я открыла заметки и записала:

«18:12 — Алиса. Руслан может просить алиби после 18:00. Встреча в офисе, два акта, работ не было. Мужской голос: “Алиса, вы еще здесь?” Обрыв. Обратные звонки 18:17, 18:21».

Это была рабочая привычка, а не начало расследования. Человек ошибается уже в первые минуты после необычного разговора: меняет порядок фраз, достраивает интонации, забывает паузу. Я записала только то, что слышала. Мужской голос мог принадлежать любому сотруднику.

В 18:29 я отправила Алисе сообщение: «Подтвердите, что с вами все в порядке. Если нужна полиция или медицинская помощь, напишите адрес».

Ответа не было.

Я нашла в контактах Руслана, но звонить не стала. Алиса предупредила, что он сам попросит об алиби. Если ее слова были способом втянуть меня в их ссору, его действия это покажут. Если нет, мой звонок мог подсказать ему, что она успела рассказать.

Так я рассуждала за кухонным столом, глядя на остывший ужин и отметки времени. Спокойствие давалось мне легко, пока требовалось действовать по инструкции. В личной жизни инструкции не существовало, и я почти убедила себя подождать до утра.

В 19:08 позвонил Руслан.

— Жень, привет. Ты дома?

— Да. Не называй меня так.

На другом конце возникла пауза.

— Хорошо. Евгения. Мне нужно попросить тебя об одной формальности.

— Говори.

— Если кто-нибудь спросит, я сегодня заезжал к тебе после шести. Мы обсуждали последнюю оплату по дому.

У меня оставалась слабая надежда, что Алиса ошиблась. Руслан убрал ее одной фразой.

— Ты не заезжал.

— Я знаю. Поэтому и прошу.

— Какое время?

— Примерно с шести до восьми. Два часа, Жень. Это никому не повредит.

— Мне повредит ложь. Алиса позвонила в 18:12.

Он выдохнул так близко к микрофону, что я отодвинула телефон.

— Что она сказала?

— Сначала ответь, зачем тебе эти два часа.

— У нас был неприятный разговор. Она собирается устроить проблему на работе, а потом может сказать, что я ей угрожал.

— Ты угрожал?

— Я сказал, что ее действия погубят всех. Это не угроза. Она сейчас в таком состоянии, что способна придумать что

угодно.

— Где она?

— Откуда мне знать? Я уехал из офиса.

— Во сколько?

— Около шести.

— В 18:12 она была там.

— Значит, задержалась. Послушай, мне не нужно, чтобы ты врала про весь вечер. Просто скажи, что я приезжал.

— Это и есть ложь.

— Двадцать один год мы могли хотя бы...

— Не используй срок брака как расчетный счет. Я не подтверждаю то, чего не было.

— Тогда ничего не говори, пока я не разберусь.

— Если меня спросят официально, я отвечу.

Он замолчал. Я услышала шум проезжающей машины и щелчок поворотника.

— Ты всегда умела сделать все окончательным, — сказал он.

— Сегодня подходящая дата.

Я завершила вызов первой.

Через три минуты пришло сообщение.

«Я был у тебя с 18 до 20. Обсуждали закрытие счетов по дому. Если позвонит Алиса или кто-то еще, просто подтверди. Потом объясню».

Я сделала снимок экрана и переслала его на свою электронную почту. Потом снова набрала Алису. Номер оставал-

ся недоступен.

В 19:26 я позвонила в дежурную часть и спросила, зарегистрировано ли сообщение о возможной угрозе, если человек недоступен чуть больше часа. Дежурный уточнил, знаю ли я адрес, есть ли прямые угрозы, признаки нападения или сведения от родственников. Адреса у меня не было. Угроза прозвучала со слов Руслана, но он отрицал ее смысл. Я назвала имя Алисы, номер телефона и содержание разговора. Сотрудник записал сведения и попросил немедленно перезвонить, если появится адрес или родственник подтвердит исчезновение.

После этого я не чувствовала себя спокойнее, зато перестала спорить с собой о том, достаточно ли сделала.

В восемь вечера я убрала еду в холодильник. В девять проверила сообщения. В десять позвонила Алисе еще раз. В 22:37 Руслан написал: «Она не отвечает тебе?»

Я не сообщила ему ничего.

В 23:18 пришло второе сообщение: «Если выйдет на связь, скажи мне».

Я ответила: «Обращайся в полицию и к ее родственникам».

Сон не приходил. Я легла, выключила свет, потом снова встала и принесла из кухни телефон с зарядным устройством. В половине первого пришло сообщение с незнакомого мобильного номера.

«Евгения Павловна, меня зовут Лев Снегирев. Я брат

Алисы. Она не вернулась домой и не выходит на связь. В полночь мне пришло отложенное письмо, которое она должна была отменить сама. В нем ваше имя и номер. Напишите, пожалуйста, когда вы в последний раз с ней говорили».

Ни обвинения, ни просьбы скрыть время. Я перечитала сообщение и посмотрела на часы: 00:34.

«В 18:12. Разговор оборвался. Я перезвонила дважды и сообщила сведения дежурному. Сохранены звонки и сообщение Руслана».

Ответ появился почти сразу.

«Что написал Руслан?»

Я не стала пересылать снимок человеку, которого не знала.

«Передам полиции. Я буду в отделе в восемь утра».

Телефон завибрировал еще раз.

«Я тоже».

Я поставила будильник на шесть тридцать, положила решение о разводе рядом с паспортом и добавила к ним лист с отмеченным временем. Утром мне предстояло рассказать незнакомым людям, почему бывшему мужу понадобилось оказаться в моей квартире в те часы, когда его любовница исчезла.

Удалить его сообщение означало бы еще раз выбрать удобство Руслана. Этого выбора у него больше не было.

ГЛАВА 2. Последний номер

К отделу полиции я подъехала без десяти восемь. Спала меньше четырех часов, но кофе не купила: от него после бессонной ночи у меня дрожали руки, а сегодня я не хотела объяснять чужим людям ни одного лишнего признака.

На крыльце стоял мужчина в темной куртке. Он держал телефон перед собой и каждые полминуты проверял экран, хотя тот не подавал сигнала. Когда я поднялась по ступеням, он посмотрел на меня.

— Евгения Берестова?

— Лев Снегирев?

Он кивнул. Высокий, с ранней сединой на висках и лицом человека, который давно перестал ждать хороших новостей. Внешне он не был похож на Алису с фотографии в профиле. Потом я заметила одинаковую складку между бровями, появлявшуюся, когда он пытался сдержаться.

— Повторите, что она сказала.

Вместо приветствия это прозвучало плохо.

— В присутствии сотрудника.

— Мне нужно знать сейчас.

— Вам нужно, чтобы мои слова зафиксировали точно. И мне тоже.

— Она моя сестра.

— Поэтому вы сейчас не лучший человек для опроса.

Он сделал шаг ко мне, остановился и убрал телефон в карман.

— Хорошо. В присутствии сотрудника.

Дежурный уже знал фамилию Алисы. Ночью Лев подал заявление, и материал зарегистрировали. Нас попросили подождать в коридоре. Он сел через два стула от меня и открыл переписку.

— Я приехал к ней в половине второго, — сказал он. — Квартира закрыта. Машины нет, но она вчера была без нее: отдала в сервис. Дома ничего не нарушено. Паспорт лежит в ящике, рабочая сумка пропала.

— Откуда вы знаете про паспорт и сумку?

— У меня запасной ключ. Я вошел вместе с сотрудниками после заявления.

Он ответил без раздражения. Я отметила это про себя и спросила:

— Когда вы общались с ней в последний раз?

— В воскресенье днем. Она сказала, что во вторник все закончит.

— Что именно?

— Я спросил. Она ответила: «Работу, отношения и одну чужую ложь». Я решил, что речь об увольнении и вашем бывшем муже.

— Почему вы ждали до ночи?

— Я не ждал. В полночь пришло письмо. Через десять минут я позвонил ей, потом поехал к квартире и вызвал по-

лицию.

Он говорил коротко, но не торопился доказать мне собственную правоту. На его месте я, вероятно, тоже перечисляла бы время, чтобы самой убедиться, что не пропустила нужный момент.

Дверь кабинета открылась.

— Снегирев, Берестова? Заходите по одному. Сначала вы, Евгения Павловна.

Женщина представилась капитаном Таисией Михайловной Деминой. Она посадила меня напротив стола, проверила паспорт и попросила начать с первого контакта с Алисой. Я положила перед ней лист с записями.

— Это вы составили вчера?

— В 18:22. Потом добавила сообщения и звонок в дежурную часть.

— По памяти сейчас ничего не исправляли?

— Нет. Если вспомню деталь, назову отдельно.

Она подвинула лист ближе, не хвалила мою предусмотрительность и не удивлялась. Такое отношение меня устраивало.

Я повторила разговор с Алисой, отделяя ее слова от своих выводов. Когда дошла до мужского голоса, Таисия уточнила:

— Узнали?

— Нет. Я слышала одну фразу. Голос взрослого мужчины, спокойный, без крика. Он назвал ее по имени и спросил, здесь ли она еще.

— Форма обращения на «вы»?

— Да.

— Фон?

— Ровный шум, похожий на вентиляцию. Шаги перед окончанием разговора. Других голосов и транспорта не слышала.

— Почему сначала ответили резко?

Вопрос был неприятным, но законным.

— Алиса состояла в отношениях с моим мужем. Вчера наш развод вступил в силу. Первые секунды я решила, что она хочет продолжить наш личный конфликт.

— Потом?

— Она назвала будущую просьбу Руслана, встречу в офисе и два акта. Я поняла, что смысл разговора другой, и спросила, где она. Связь оборвалась.

Таисия попросила телефон. Я добровольно разблокировала его, показала журнал вызовов, сообщения Алисе и переписку с Русланом. Она позвала специалиста, который объяснил, что именно будет скопировано и как это оформят. Телефон у меня не забрали: сделали копии нужных данных в моем присутствии, сверили номера и внесли сведения в протокол.

— Сообщение Руслана вы пересылали кому-нибудь? — спросила Таисия.

— На свою электронную почту. Льву не отправляла.

— Почему?

— Я не знала, кто пишет с незнакомого номера. И не считаю правильным передавать личные сообщения участникам поиска до полиции.

— Руслану сообщили, что идете сюда?

— Нет.

Она еще раз прочитала его просьбу об алиби.

— Вы уверены, что с восемнадцати до двадцати он у вас не был?

— Я была дома одна. В 18:12 говорила с Алисой. В 19:08

— с Русланом по телефону. Он сам признал, что не приезжал.

— Кто может подтвердить, что вы были дома?

— Камера подъезда, если запись сохраняется. В 17:46 курьер доставил продукты. В 18:03 я отправила Валентине Шаровой рабочий файл с домашнего подключения. В 19:26 звонила в дежурную часть. Моя машина стояла во дворе.

Таисия записала источники, не комментируя, что доказательства работали и против меня, и в мою пользу. В этом заключалось преимущество фактов: им не требовалось выбирать сторону.

— Вы угрожали Алисе когда-нибудь?

— Нет. До вчерашнего дня мы не разговаривали, если не считать ее случайного ответа на телефон Руслана. Тогда она отключилась.

— Пытались встретиться?

— Нет.

— Знали адрес?

— Нет.

— Хотели, чтобы она исчезла из вашей жизни?

Я посмотрела на Таисию.

— Я хотела, чтобы из моей жизни вышел Руслан. Это уже произошло. Алиса могла жить как считала нужным, если не просила меня участвовать во лжи.

Таисия подняла глаза от листа.

— Хорошо. Теперь отдельно назовите все, что вам известно о работе Руслана и этих актах.

Известно мне было немного. «Меридиан-Сервис» обслуживал инженерные системы коммерческих зданий. Руслан владел долей и отвечал за клиентов, Георгий Харитонов руководил компанией. Во время раздела имущества оценщик изучал документы, но меня интересовала стоимость доли, а не текущие договоры. Об Алисиной должности финансового контролера я знала со слов Руслана.

— Он говорил, почему попросил два часа? — спросила Таисия.

— Сказал, что Алиса может обвинить его в угрозе. Потом попросил меня ничего не говорить, пока он не разберется.

— Как вы поняли его слова?

— Как попытку получить ложное алиби. Что именно он хотел скрыть, я не знаю.

Когда протокол был готов, я прочитала каждую страницу. Исправила одну фразу: вместо «услышала угрожающий

мужской голос» попросила написать «услышала мужской голос». Угрожающим он мне не показался; опасным был контекст, который я достроила позже.

— Верное замечание, — сказала Таисия и внесла правку. Я подписала документ. Только после этого она разрешила Льву войти.

Он сел на стул у двери. Таисия сразу предупредила:

— Здесь обсуждаем только то, что Евгения Павловна согласна повторить при вас. Ваше объяснение возьмем отдельно.

— Понимаю.

Я кратко пересказала звонок. На словах об актах Лев поднял голову.

— Она говорила мне, что нашла повторные платежи. Сумы проходили дважды за одни работы.

— Когда? — спросила Таисия.

— В воскресенье. Без названий компаний. Я предложил ей уволиться и передать материалы юристу. Она ответила, что увольнение не отменит документы.

— Покажите письмо, которое получили ночью.

Лев открыл электронную почту и передал телефон Таисии. Она проверила адрес отправителя, время и служебные заголовки, потом попросила его переслать письмо на официальный адрес для сохранения. Читать вслух весь текст не стала.

— Здесь упомянута Евгения Павловна. Вы согласны по-

казать эту часть? — спросила она у Льва.

— Да.

Он повернул экран ко мне.

«Лева, если это письмо пришло, я не смогла отменить отправку. Не жди и не ищи меня один. Обратись в полицию. Начни с Евгении Берестовой. Ее номер ниже. Она не враг».

Дальше стояла строка: «Сначала считаем выходы. Дом 17» — и несколько названий файлов, смысла которых я не поняла.

— Почему она написала, что я не враг? — спросила я.

— Потому что считала, что я могу решить иначе.

— На каком основании?

Лев встретил мой взгляд.

— На основании того, что вы бывшая жена мужчины, с которым она была. И, возможно, потому, что знала меня лучше, чем я хотел бы сейчас признать.

Ответ был честным, но легче от него не стало.

— Вы с сестрой обсуждали меня?

— Она сказала, что Руслан лгал вам обоим. Больше ничего.

— Ясно.

Он подался вперед.

— Вы ей угрожали?

В кабинете стало тихо. Таисия не остановила его: вероятно, ждала моей реакции.

— Этот вопрос мне уже задали и записали ответ.

— Я спрашиваю не для протокола.

— Тогда не спрашивайте. Вы родственник пропавшей, а не следователь. Я передала полиции телефон, сообщение вашего вероятного свидетеля и неприятные сведения о собственном бывшем муже. Этого достаточно, чтобы вы разговаривали со мной уважительно.

— Если Алиса боялась...

— Проверяйте все, что нужно. Через сотрудников. Я не буду доказывать вам свою невиновность в коридоре.

Он выпрямился. Несколько секунд смотрел на пол, затем сказал:

— Вы правы насчет формы вопроса. Извините.

— Только формы?

— Я обязан проверить любую угрозу сестре. Но делать это должен не я.

Таисия закрыла папку.

— На сегодня разговор закончен. Лев Аркадьевич, оставайтесь. Евгения Павловна, будьте доступны по телефону. Адрес работы и график передадите только мне, если понадобится.

Я поднялась.

Лев тоже встал.

— Отряд начинает работу, как только полиция подтвердит заявку, — сказал он. — Если вы вспомните место или человека...

— Сообщу Таисии Михайловне.

Он принял и эту границу.

В коридоре я проверила часы. Было 10:46. За окном дождь закончился, и на мокром асфальте резко отражались машины. Я собиралась ехать домой, когда меня догнала Таисия.

— Один вопрос. На работе вам могло прийти что-то от Алисы? Электронное письмо, документ, посылка?

— Рабочий адрес ЕДДС она могла узнать у Руслана. Личный — вряд ли.

Я открыла приложение почты. В папке уведомлений лежало сообщение, которое я не заметила вчера среди банковских писем.

«Заказное отправление прибыло в отделение. Отправитель: Снегирева А. А. Дата приема: 10.09.2026».

Ниже стоял срок хранения и номер почтового отделения рядом с моей работой.

Я показала экран Таисии.

— Не получайте одна, — сказала она. — Позвоните мне перед тем, как войдете в отделение. И ничего не вскрывайте на месте.

— У меня завтра смена с восьми утра.

— Сначала сообщите руководителю. Мы согласуем время.

Я кивнула и сделала снимок уведомления.

Алиса отправила письмо за четыре дня до звонка. Значит, в понедельник она не испугалась внезапно. Она ждала опас-

ности заранее и почему-то решила, что ключ к ней должен пройти через женщину, чей брак помогла разрушить.

ГЛАВА 3. Конверт для полиции

В среду я приехала в ЕДДС в семь двадцать. До открытия почтового отделения оставалось больше часа, но смена начиналась в восемь, и личное письмо не давало мне права появиться позже без передачи дел.

В диспетчерском зале горели верхние панели. Ночная смена готовила сводку, Злата проверяла гарнитуру на втором пульте и одновременно спорила с поставщиком воды. У нее получалось вести два разговора так, что каждый собеседник считал себя единственным.

— Ты рано, — сказала она, прикрыв микрофон ладонью.
— Валентина Ильинична велела меня не отпускать.

— Правильно велела.

— Значит, письмо действительно от нее?

Я остановилась у своего стола.

— Откуда ты знаешь?

— Руководитель сказала, что у тебя личные обстоятельства и полиция. Я умею складывать два слова, но могу перестать, если это закрытая информация.

— Перестань.

— Уже.

Она вернулась к поставщику. Я проверила журнал передачи, неисправность гарнитуры и карточки на длительном контроле. По привычке хотелось сесть на свое место и открыть

рабочую программу, однако сегодня любое движение в ней можно было истолковать против меня. Я оставалась свидетелем по делу об исчезновении женщины, связанной с моей семьей, хотя семьи у нас с Русланом больше не было.

Валентина Ильинична вызвала меня в кабинет в половине восьмого. На столе перед ней лежал график.

— Демина звонила, — сказала она. — В девять ты получаешь письмо, потом едешь в отдел. До возвращения пульт принимает Злата.

— Я могу заступить сейчас и передать ей в восемь сорок.

— Не можешь. Передача оперативного места на сорок минут ради личного поручения — плохая организация. Ты либо работаешь смену, либо официально заменена на время.

— Тогда я передам все сейчас.

— Уже передала. Что в письме?

— Не знаю. Отправитель — пропавшая Алиса Снегирева. Полиция просила не вскрывать.

Она сняла очки.

— Ты использовала рабочую систему, чтобы искать сведения о ней?

— Нет.

— Собиралась?

— Нет.

— Хорошо. Если ее имя появится в карточке во время твоей смены, сразу сообщаем старшему и передаем обработку. Письменное уведомление о конфликте сделаем сего-

дня.

— Согласна.

— Я не прикрываю тебя, Женя. Я защищаю службу.

— Именно поэтому согласна.

Валентина Ильинична вернула очки на место.

— Поезжай. После отдела позвони. Если не сможешь вернуться, оформим замену до конца суток. В зарплате потеряешь сменные и ночные.

Я ожидала этого. Деньги были неприятной, но понятной ценой. Гораздо хуже было признать, что я могу сесть за пульт и услышать в каждом вызове связь с Алисой.

В 8:54 я вошла в почтовое отделение. Таисия ждала у окна выдачи вместе с сотрудником в штатском, который представился Сергеем Лапшиным. Они не подходили ко мне, пока оператор не проверила паспорт и не вынесла плотный белый конверт.

Получателем значилась «Берестова Евгения Павловна, ЕДДС города Реченска, до востребования через отделение 31». Адрес был указан официальный. Номер телефона — мой личный.

На обороте Алиса написала печатными буквами:

«Вручить полиции, если после 21:00 14 сентября я не отвечу с моего номера. Внешний конверт можно открыть только при сотруднике».

Я показала надпись Таисии.

— Подпишите получение у оператора и больше ничего не

делайте, — сказала она.

В машине полиции конверт не открывали. Мы доехали до отдела, поднялись в знакомый кабинет и дождались сотрудника, который оформил осмотр. Мне объяснили порядок и спросили, не возражаю ли я против вскрытия адресованного мне отправления. Я согласилась.

Внутри находился еще один пакет, заклеенный по краям прозрачной лентой. На нем стояло: «Сотруднику полиции». Рядом лежала записка для меня.

«Евгения Павловна. Я не имею права просить вас верить мне. Если вы получили это после указанного времени, передайте внутренний пакет полиции, не открывая. Руслан знает о двух актах и просил меня ждать. Я больше не могу. А. С.»

Текст занимал четыре строки. Ни извинения, ни рассказа об их отношениях. Я перечитала его один раз и отдала записку для оформления.

— Внутренний пакет не вскрывали? — спросил Сергей.

— Нет.

— Повреждения видели до получения?

— Нет. Лента целая, надпись читалась полностью.

Он сфотографировал упаковку, внес данные и вскрыл ее. Из пакета выпали маленький ключ на пластиковом кольце с номером 214 и сложенный лист.

Таисия прочитала его молча, затем передала коллеге. Мне содержания не показали.

— Евгения Павловна, вы знаете, где в городе есть храни-

лице с такими ключами? — спросила она.

— Нет. Номер без адреса мне ничего не говорит.

— Алиса упоминала ячейку?

— Никогда.

— Руслан?

— Нет.

— Вы готовы подождать, пока мы уточним несколько вопросов?

Я позвонила Валентине Ильиничне и попросила заменить меня до конца смены. Она уточнила, приняла ли Злата пульт, хотя прекрасно знала ответ, и только после моего подтверждения сказала:

— Оформляю. Следующая смена по графику, если полиция не даст другое уведомление.

— Спасибо.

— Благодарить будешь за выходной. За сегодня получишь по факту.

Мне назначили дополнительный опрос. Таисия спрашивала, могла ли Алиса знать адрес ЕДДС, кто имел доступ к моей корреспонденции и обсуждала ли я с Русланом номер 214. Ответы занимали минуты. Ожидание между ними — часы.

Около полудня в коридоре появился Лев. Он остановился, увидев меня.

— Что нашли?

— Я передала письмо полиции.

— В нем был ключ?

Вопрос он адресовал Таисии, вышедшей следом.

— Мы сообщим вам то, что можно сообщить родственнику, после первичной проверки, — ответила она. — Сейчас мне нужно уточнить письмо вашей сестры.

— Я поеду с вами.

— Нет.

Он сжал губы, но спорить не стал.

— Тогда что от меня требуется?

— Доступ к полной версии отложенного письма и объяснение по строке о выходах. В кабинете.

Лев взглянул на меня.

— Вы знали о посылке вчера?

— Увидела уведомление после опроса. Конверт получила при сотрудниках и не открывала одна.

— Спасибо.

Я ожидала просьбы показать записку или назвать номер. Ее не последовало.

— За что?

— За то, что сделали именно так.

— Другого разумного варианта не было.

— Были. Просто они были хуже.

Таисия позвала его в кабинет. Я осталась в коридоре и впервые за утро позволила себе закрыть глаза. Сон не пришел. Через стену слышались голоса, но слов я не разбирала и не пыталась.

В два часа меня отпустили домой с условием оставаться на связи. По дороге я купила готовую еду и воду. В последние сутки я несколько раз вспоминала об ужине только тогда, когда он уже становился не нужен. Это не доказывало силу характера; это означало, что я хуже соображаю.

Дома я поставила телефон на зарядку и открыла копию оценки доли Руслана, сохраненную на личном компьютере. В документе было больше ста страниц: балансы, перечни договоров, оборудование, дебиторская задолженность. Название «Меридиан-Сервис» повторялось сотни раз. Номера 214 в оглавлении не было.

Я закрыла файл. Полиция не просила меня искать совпадения, а бессистемный просмотр чужих коммерческих данных мог дать только удобную догадку. Алиса подготовила конкретный путь. Следовало дать этому пути сработать.

В 16:40 позвонил Руслан.

— Ты была в полиции?

— Да.

— Зачем?

— Дала показания о звонке Алисы и твоём сообщении.

— Ты передала им нашу переписку?

— Твое сообщение с просьбой солгать — да.

— Я просил подождать.

— Это не было твоим решением.

— Сейчас компанию трясут. Алиса могла просто уехать, чтобы заставить нас искать ее.

— На чем основано это предположение?

— На том, как она вела себя последние дни.

— Конкретнее.

— Она всем угрожала документами, разговаривала так, будто только она одна понимает, что происходит. Потом исчезла. Разве это не похоже на демонстрацию?

— Нет. Это похоже на твою попытку объяснить ее отсутствие без ответа на вопрос, где она.

— Я не знаю, где она.

— Тогда сообщи полиции все, что знаешь о встрече.

— Уже сообщил.

Я не могла проверить его слова и не стала продолжать.

— Руслан, больше не звони мне по этому поводу. Если у тебя есть сведения об Алисе, передавай их сотрудникам.

— А если я хочу убедиться, что с тобой все в порядке?

— Для этого есть короткий ответ: в порядке. Остальное тебя не касается.

Он отключился без прощания.

В 18:05 Таисия попросила меня приехать в отдел к семи. Я спросила, нужна ли машина, и получила отрицательный ответ. Хранилище они нашли сами по договору, лежавшему вместе с ключом. Я была нужна, чтобы подписать завершение осмотра отправления и получить обратно внешний конверт, признанный моим.

Лев сидел в том же коридоре. На этот раз рядом, когда я заняла место у стены, он не заговорил первым. Через

несколько минут вынес мне бутылку воды из автомата.

— Я купила свою.

— Тогда эту оставляю себе.

Он открутил крышку и действительно выпил половину, избавив меня от необходимости снова отказываться.

— Вам что-нибудь сообщили? — спросила я.

— Только то, что найдено хранилище и сестра оставила документы. Ячейку открывают по процедуре. Меня туда не пустили.

— И вы не поехали следом?

— Вы сейчас проверяете, способен ли я соблюдать запрет?

— Да.

— Способен. Радости это не приносит.

Уголок его рта чуть изменился, но улыбкой это не стало.

Таисия пригласила нас в кабинет около восьми. На столе не было ни ключа, ни найденных предметов.

— Сообщаю минимум, необходимый для дальнейшего взаимодействия, — сказала она. — В ячейке находились накопитель и распечатанный индекс файлов. Все изъято и оформлено. Накопитель защищен. Его будут исследовать специалисты.

— В индексе есть адреса? — спросил Лев.

— Есть названия рабочих папок и пометки. Публично это не обсуждается. Вы продолжаете поиск по задачам координатора.

— Я не координатор.

— Это правильный ответ.

Таисия повернулась ко мне.

— Ваш конверт и уведомление приобщены в копиях, оригинал внешней упаковки пока остается у нас с вашего согласия. Записку Алисы тоже оставляем. Возражения?

— Нет.

— На работу завтра выходить можете. Если появятся обстоятельства, свяжемся с руководителем официально.

Я подписала документ и спросила:

— Пометка об актах подтверждает слова Алисы?

Таисия посмотрела на Льва, потом на меня.

— В индексе есть строка: «Берестов: две подписи, работ нет». Пока это указатель на файл, а не доказанный факт. Сам файл еще не открыт.

Руслан говорил, что Алиса способна придумать что угодно. В запечатанной ячейке лежал накопитель, подготовленный за неделю до исчезновения, и перечень документов с его фамилией.

Я больше не могла считать просьбу об алиби испугом мужчины после неприятной ссоры. Руслан знал, что именно Алиса собиралась доказать, и предпочел поместить себя в моей квартире.

ГЛАВА 4. Чужое алиби

В четверг у меня оставалась назначенная встреча с Русланом. Отменять ее я не стала. Наша общая собственность была разделена, но лицевые счета за проданный дом закрывали через адвоката, и последнюю справку требовалось подписать обоим.

Я заранее сообщила Таисии время и место. Она не просила меня записывать разговор, задавать вопросы или изображать доверие. Если Руслан скажет что-то о деле, я должна была запомнить смысл и связаться с ней после встречи.

Офис адвоката находился на первом этаже жилого дома. Руслан пришел раньше и стоял у окна. За два дня он не изменился, хотя я почему-то ожидала увидеть на его лице след тех часов, которые он пытался провести в моей квартире.

— Привет, — сказал он.

— Добрый день.

— Мы можем поговорить до того, как придет Олег?

— О счетах — да.

— Ты понимаешь, что я не просил тебя покрывать преступление?

— Я понимаю только то, что ты просил подтвердить твое отсутствие там, где ты находился.

Он оглянулся на пустую приемную и понизил голос.

— Я был в офисе до шести. Потом ездил по городу. Если

сказать, что я заезжал к тебе, разница составит минут сорок.

— Ты просил два часа.

— Потому что точное время никто не помнит.

— Я помню.

— Конечно. Ты записываешь, когда вынесли мусор.

Раньше такая фраза заставила бы меня защищаться: объяснить, что я не контролирую его, что время нужно для работы, что дома я умею быть другой. Теперь объяснение не требовалось.

— Во сколько ты встретился с Алисой?

— Около половины шестого.

— Где?

— В офисе.

— Во сколько уехал?

— Без пяти шесть. Может, в шесть.

— Она позвонила мне в 18:12 оттуда.

— Я не утверждал, что она уехала вместе со мной.

— О чем вы говорили?

Руслан потер переносицу. За годы брака я видела этот жест перед разговорами о деньгах, когда решение уже было принято без меня.

— Она нашла расхождения в платежах и решила, что Георгий выводит средства. Там обычная рабочая путаница: часть работ закрывают позже, подрядчики меняют назначение платежа. Алиса не захотела слушать объяснения.

— Два акта подписал ты.

Руслан задержал на мне взгляд.

— Тебе показали файлы?

— Мне сообщили строку из индекса. Накопитель исследуют специалисты.

Руслан слишком быстро отвел взгляд.

— Ты не должна была участвовать в этом.

— Алиса сама отправила письмо на мое имя.

— Она специально втянула тебя. Хотела, чтобы я выглядел виноватым перед обеими.

— Она пропала.

— Может, уехала. Может, сидит у подруги и ждет, когда я начну оправдываться.

— Ее брат подал заявление. Паспорт остался дома. Она подготовила отложенное письмо и ячейку. Ты действительно считаешь это способом добиться от тебя объяснений?

Руслан прошел к кулеру, налил воду и не выпил.

— Я не знаю, что считать. Два дня меня вызывают, проверяют машину, задают одни и те же вопросы. В компании клиенты требуют комментариев. Все смотрят так, будто я ее убил.

— А ты пытаешься сделать свидетелем меня.

— Я хотел убрать лишнее подозрение. И защитить тебя тоже.

— Каким образом моя ложь защищала меня?

Он не ответил.

В приемную вошел адвокат Олег Савельевич, остановился

у двери и окинул нас быстрым взглядом.

— Если разговор относится к исчезновению гражданки Снегиревой, продолжать его здесь без ваших представителей не советую. По нашей встрече осталось закрыть коммунальные платежи.

— Согласен, — сказал Руслан.

Мы прошли в кабинет. Двадцать минут сверяли показания счетчиков, дату продажи и распределение последнего счета. Руслан один раз ошибся в номере договора, и я поправила. Это произошло автоматически. Я знала цифры лучше него и не собиралась намеренно оставлять ошибку ради красивой независимости.

После подписания Олег Савельевич раздал нам копии.

— Совместных обязательств по дому больше нет. Если дополнительных вопросов нет, встреча окончена.

Я убрала документ в папку.

Руслан задержался у двери.

— Женя... Евгения, подожди.

Олег Савельевич остался в кабинете. Его присутствие не превращало разговор в официальный опрос, но хотя бы исключало дальнейшие споры о сказанном.

— Я встречался с Алисой в 17:40, — произнес Руслан. — Уехал в 18:05. Она была жива и собиралась работать. Я ее не трогал.

— Это ты сообщил полиции?

— Сказал, что видел ее ближе к шести.

— Значит, не сообщил.

— Пять минут ничего не меняют.

— Тогда почему ты их убрал?

Он поставил стакан с водой на край стола.

— Потому что наш разговор был неприятным. Она сказала, что во вторник пойдет к внешнему юристу и передаст документы. Я попросил дать мне время. Сказал, что ее версия погубит компанию и людей. После ее исчезновения это звучит хуже, чем было.

— Как было, решат по фактам. Ты видел ее в 18:05. В 19:08 попросил меня поместить тебя у себя с шести. Передай полиции точное время.

— Ты уже передала.

— Передала свои сведения. Твои действия остаются твоими.

— Ты хочешь, чтобы меня задержали?

— Я хочу, чтобы Алису нашли. Твое удобство с этим больше не связано.

В машине я позвонила Таисии и сказала, что Руслан уточнил время встречи. Она попросила приехать и дополнить показания. Я поехала прямо в отдел.

Протокол занял сорок минут. Я отдельно указала, что разговор проходил после имущественной встречи и адвокат мог слышать часть. Таисия спросила, предъявлял ли Руслан угрозу, пытался ли передать деньги, просил ли удалить переписку. Ничего такого не было. Его давление оставалось при-

вычным: он предлагал разделить последствия решения, которое принял один.

— Мы проверим его время, — сказала она. — Вы публично этот разговор не пересказываете.

— Не собираюсь.

— В городском канале уже появилась версия о конфликте жены и любовницы.

Она повернула ко мне экран. Под короткой заметкой о пропавшей женщине анонимный пользователь написал: «Спросите бывшую жену ее мужчины. Та давно обещала устроить им обоим».

— Я ничего подобного не говорила.

— Ваше утверждение зафиксировано. Не отвечайте. Имя Руслана пока не было в официальной ориентировке, значит, источник знает об отношениях из другого места.

— Или просто прочитал старые фотографии.

— Возможно. Именно поэтому не достраиваем версию.

Я узнала в ее формулировке собственную рабочую привычку и впервые за день почувствовала, что разговор ведет человек, которому не нужно напоминать о границе между фактом и выводом.

У отдела меня ждал Лев. Он стоял не у выхода, а во дворе общественного центра через дорогу, где волонтерский отряд готовил штаб. На складных столах лежали стопки ориентировок, маркеры и карты районов.

— Таисия сказала, что вы можете подойти, если хотите

участвовать в открытой части поиска, — сообщил он. — Это приглашение, не обязанность.

— Мое имя уже обсуждают под ориентировкой.

— Видел. Я попросил администраторов убрать комментарии с личными данными.

— Убрать мое имя из интернета вы не сможете.

— Не смогу. Но в материалах отряда его не будет.

— Вы считаете, мне стоит участвовать?

— Мое мнение сейчас не должно решать.

К нам подошел крепкий мужчина в серой толстовке и представился Арсеном Ковалевым, координатором поиска.

— Лев, на минуту, — сказал он.

Они отошли к машине, но не настолько далеко, чтобы делать вид, будто разговор секретный.

— По поиску Алисы решения принимаю я, — произнес Арсен. — Ты родственник. Получаешь те же задачи, что другие подготовленные участники, и ни одной дополнительной. Согласен?

Лев ответил сразу:

— Согласен.

— Закрытые сведения полиции не вытягиваешь, одиночные выезды не устраиваешь, группы без отметки не собираешь.

— Да.

— Тогда сегодня работаешь с картами и заявкой. На маршрут не идешь, пока не поспишь.

Лев коротко кивнул. Он мог спорить: у него было семь лет опыта, а пропала его сестра. Вместо этого подошел к столу и начал раскладывать уже проверенные адреса по секторам.

Я не знала его достаточно, чтобы восхищаться. Но увидела поступок, который Руслану всегда давался трудно: человек признал, что личная вовлеченность уменьшает его право решать, даже если опыт говорит обратное.

Арсен повернулся ко мне.

— Евгения Павловна, вы хотите помочь или проверить, что мы делаем?

— Помочь. Но сегодня я после опроса и почти не спала.

— Тогда сегодня оставите контакт и уйдете отдыхать. Завтра в девять инструктаж. Работаем только группами, задания фиксируем. С камерами просим владельцев сохранить записи, сами ничего не изымаем. На закрытую территорию не входим.

— Поняла.

— Вам может быть тяжело из-за публичной реакции.

— Это не влияет на способность записать адрес.

— На способность — нет. На решение продолжать после смены — влияет. У нас люди иногда хотят отработать вину до обморока. Такие участники мешают.

— Я приду отдохнувшей.

Он записал мой номер и выдал памятку. Лев не вмешивался.

Перед уходом я прочитала лист до конца. Внизу стоял от-

дельный пункт: участник вправе прекратить задачу без объяснения личных причин, но обязан сообщить старшему и вернуться в штаб. Я уточнила у Арсена, относится ли это к родственникам и свидетелям.

— Ко всем, — ответил он. — Полезность не измеряется количеством часов на улице.

Лев услышал и ничего не добавил. Мне предстояло искать женщину, с которой у бывшего мужа были отношения, но от меня не требовали ни публичного великодушия, ни наказания усталостью. Только выполнить назначенную работу.

Вечером отряд опубликовал ориентировку. На фотографии Алиса стояла у светлой стены, смотрела прямо в камеру и не улыбалась. Под снимком были рост, возраст, одежда, дата исчезновения и телефон горячей линии. Ни слова о Руслане, документах или последнем звонке.

Комментарии росли быстрее, чем их успевали чистить. Кто-то видел похожую женщину в автобусе, кто-то — на вокзале, кто-то требовал проверить мужа и жену. Я закрыла приложение, но через минуту открыла снова.

Арсен написал в общем чате: «Нужны только наблюдения: место, время, что именно видели. Оценки отношений не проверяем».

Первый полезный комментарий появился в 21:16.

«В понедельник около семи у офиса на Промышленной стояла серая служебная машина. Женщина, похожая на Алису, разговаривала с водителем. На заднем стекле была круг-

лая оранжевая наклейка. Я работаю в соседнем магазине, время могу уточнить по закрытию кассы».

Арсен ответил свидетелю в личных сообщениях и передал контакт полиции.

У Руслана была темно-синяя машина без наклеек. Серый служебный автомобиль означал еще одного участника последнего маршрута. И впервые за три дня след вел не к нашему бывшему браку, а к работе Алисы.

ГЛАВА 5. Не моя соперница

В пятницу в девять утра Арсен начал инструктаж с запретов. Не входить в подъезды без открытого доступа. Не представляться сотрудниками полиции. Не задавать свидетелю вопрос так, чтобы ответ уже содержался в формулировке. Не забирать записи камер на личные телефоны. При обнаружении предмета не трогать, отметить место и вызвать старшего.

Никто не возражал. В комнате общественного центра собралось двадцать три человека, и большинство пришли не впервые. Они проверяли заряд телефонов, получали жилеты и записывались в группы. Отсутствие торжественных речей действовало лучше призыва держаться: каждый понимал, что надо делать.

Мне выдали маршрут из восьми открытых точек в Зарежье — аптеку, два магазина, автомойку, кофейный павильон, остановку, парковку и круглосуточную пекарню. Старшей группы была Марина, преподаватель колледжа с пятилетним опытом поиска. Кроме нас шли двое мужчин, Кирилл и Андрей.

Лев работал у дальней стены с картами. Арсен оставил его в штабе: принимать данные от групп, отмечать уже проверенные участки и не принимать решений по сестре. Услышав распределение, Лев только записал номера наших секторов.

Я подошла к нему перед выходом.

— У вас есть фотография Алисы без обработки? На ориентировке лицо слишком светлое.

Он открыл папку, выбрал снимок и показал Арсену. Только после его согласия фотографию отправили старшим групп.

— Сделана в июле, — сказал Лев. — Волосы той же длины.

На снимке Алиса сидела за столом на открытой веранде, держала чашку обеими руками и щурилась от солнца. Рядом не было Руслана. Я впервые видела ее фотографию, на которой она существовала не как доказательство измены.

— Спасибо, — сказала я.

— Если станет тяжело, сообщите Марине.

— Вы всем это говорите?

— Нет. Вам — потому что причина очевидна.

— Причина очевидна людям в комментариях. Вы можете спросить, нужна ли мне замена.

Он принял замечание без защиты.

— Нужна?

— Нет.

— Тогда удачи на маршруте.

Марина позвала группу, и мы вышли.

Работа оказалась медленной. В первой аптеке камера смотрела только на кассу. Во втором магазине запись хранилась три дня и уже была перезаписана. В кофейном павильо-

не продавец уверенно узнал Алису, но назвал воскресенье, когда она покупала воду. Марина записала дату и закрыла эпизод.

— Почему не оставить как возможный? — спросил Кирилл на улице.

— Потому что у нас понедельник после восемнадцати часов, — ответила Марина. — Если сложить все похожие лица за неделю, получим карту покупательниц города.

Он кивнул и больше не спорил.

На остановке пожилая женщина заявила, что видела Алису в понедельник поздно вечером. Она назвала светлое пальто и красную сумку. На ориентировке пальто было темным, сумка — черной. Марина не стала поправлять свидетельницу сразу.

— Вы узнали лицо или решили по фотографии, которую я показала? — спросила она.

— Лицо похожее. Волосы такие же.

— Куда женщина села?

— В двадцать четвертый автобус.

По расписанию последний двадцать четвертый уходил в 18:40, а «поздним вечером» женщина назвала время после десяти. Оказалось, речь шла о вторнике предыдущей недели: свидетельница возвращалась с приема в поликлинике и могла подтвердить дату талоном.

Мы поблагодарили ее и отметили контакт как проверенный эпизод до исчезновения. Женщина расстроилась, будто

дала неправильный ответ на экзамене.

— Вы помогли отделить один день от другого, — объяснила я. — Это тоже важно.

Она согласилась оставить номер. Я поняла, почему опрос нельзя превращать в соревнование находок: человек начинает защищать полезность собственного воспоминания и незаметно добавляет недостающие детали.

У магазина на Промышленной нас ждала Светлана, автор вчерашнего комментария. Она была старшим кассиром и закончила смену в 19:32. Время проверила по отчету, прежде чем согласилась на разговор.

— Я уже все сказала сотруднику, — предупредила она. — Не хочу, чтобы потом мое имя где-нибудь написали.

— Мы не публикуем свидетелей, — сказала Марина. — Нам поручено проверить соседние точки и уточнить, где стояла машина. Если не хотите повторять, покажите место.

Светлана вывела нас к боковой стене магазина. До офиса «Меридиан-Сервиса» было около ста метров. Между зданиями проходила узкая дорога к парковке.

— Серая машина стояла здесь, — сказала она. — Не легковая, что-то вроде небольшого фургона с окнами. Мужчина был за рулем. Женщина подошла со стороны офиса.

— Что именно заставило вас обратить внимание? — спросила Марина.

— Он перегородил выезд поставщику. Наш водитель ругался, а тот не двигался. Потом женщина села, и они уехали.

— Вы видели, что она села?

— Дверь открыла и наклонилась внутрь. Дальше обзор закрыл грузовик. Я не могу сказать, уехала ли она в этой машине.

Марина повторила: женщина открыла дверь, но момент отъезда Светлана не видела. Та подтвердила.

— Наклейка на заднем стекле какая была? — спросила я.

— Оранжевый круг и черная буква. Может, «М», может, знак какой-то.

— Вы видели текст или только форму?

— Круг точно. Букву не поручусь.

— Время?

— После семи. Мы закрыли одну кассу в 18:55, а отчет сняли в 19:07. Между этим.

Светлана показала на небольшую камеру над служебным входом.

— Она могла снять дорогу, но запись у директора. Я вчера попросила не удалять.

— Правильно, — сказала Марина. — Полиция свяжется с владельцем. Нам файл не передавайте.

Я записала только наблюдаемые детали: серый автомобиль, положение у выезда, женщина со стороны офиса, дверь, диапазон времени, круглая наклейка. Внутри возникло желание спросить, была ли Алиса напугана, торопилась ли, спорила ли с водителем. Но Светлана не назвала ничего подобного сама. Значит, вопрос подсказал бы ей чужую вер-

сию.

Мы прошли оставшиеся точки. На парковке нашли камеру, направленную в другую сторону. В пекарне сохранилась запись входа, но Алиса туда не заходила. Автомойка закрылась на ремонт и данных за понедельник не имела.

К трем часам пошел дождь. Марина вернула группу в штаб, хотя Андрей предложил проверить еще два двора.

— Они в задании другой группы, — ответила она. — Мы шесть часов на ногах. После усталости люди начинают узнавать нужное лицо в каждом прохожем.

Никто не стал продолжать самостоятельно.

В штабе было теснее, чем утром. Группы сдавали листы, координаторы отмечали отрицательные результаты. На большой карте серые метки занимали больше места, чем красные. Я раньше считала, что поиск движется только находками. Теперь увидела цену правильно закрытого адреса: туда не отправят еще десять человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.